

Цинь Вэнь встретился взглядом с глубокими глазами Сюй Янчэна. В это время Чи Хань в трубке уже допытывался, почему он так задержался. Скрывать правду было нельзя: омега хрупки и крайне чувствительны, а Сюй Янчэн дошёл до того состояния, когда без инъекций ингибиторов не обойтись. Это было сопоставимо с тем критическим периодом, через который прошёл сам Цинь Вэнь в начале беременности. Согласиться на молчание сейчас — всё равно что стать соучастником медленного самоубийства.

Однако когда Чи Хань переспросил во второй раз, Цинь Вэнь отчётливо услышал собственный голос:

— Да нет, ничего. Снаружи слишком шумно, я просто присел в комнате немного передохнуть.

Чи Хань всё ещё не успокоился:

— Может, мне зайти за тобой?

— Не нужно, я сейчас выйду, хочу ещё жареного мяса поесть, — ответил Цинь Вэнь.

Сюй Янчэн облегчённо выдохнул. Он откинулся на спинку дивана и уставился в тёмный потолок, не проронив ни слова.

— Тот состав, которым ты скрываешь свою сущность... он сильно вредит организму? — спросил Цинь Вэнь.

— Если я скажу «нет», ты ведь всё равно мне не поверишь? — юноша горько усмехнулся. Помолчав несколько секунд, он тихо добавил: — Я знаю, что делаю. Это... не будет продолжаться долго.

Цинь Вэнь уловил скрытый смысл: собеседник планировал наконец раскрыться перед Сунь Кайнином.

— Невестка, я хочу побыть один, — произнёс Сюй Янчэн.

Цинь Вэнь поднялся:

— Если станет хуже — оставайся в номере, не пересиливай себя.

— Угу.

Выйдя наружу, Цинь Вэнь обнаружил, что Сунь Кайнин уже перебрался поближе к Чи Ханю. Они о чём-то увлечённо беседовали за бокалом вина. Сев рядом, Цинь Вэнь не проронил ни слова и принялся за мясо, которое протянул ему муж. История Сюй Янчэна не давала ему покоя. Дождавшись момента, когда Сунь Кайнин наконец перестал болтать, он вдруг спросил:

— Кайнин, ты когда-нибудь задумывался о том, с какой омегой хотел бы быть в будущем?

Собеседник ответил без запинки, словно этот вопрос был давно им обдуман:

— Во-первых, это не должен быть кто-то из знакомых. Со знакомыми всё слишком сложно: вы знаете друг друга как облупленных, никакого простора для маневра. Мне от этого не по себе. Во-вторых — это не должен быть мужчина. Остальное не важно.

У Цинь Вэня дрогнули веки. Неудивительно, что Сюй Янчэн хранил свою тайну так тщательно: он умудрился нарушить сразу все запреты в списке предпочтений Сунь Кайнина.

Цинь Вэнь нерешительно уточнил:

— А... почему не мужчина?

— Эй, я совсем не гомофоб! — Сунь Кайнин замахал руками, боясь, что его неправильно поймут. — Вы с Чи Ханем — идеальная пара. Но если говорить лично обо мне... Мужчина — это же скучно. У него есть всё то же самое, что и у меня. Что мне, в зеркало на себя смотреть?

Цинь Вэнь замолчал.

«Сюй Янчэн выбрал путь, ведущий в глухой тупик».

Когда праздник у костра подошёл к концу, Цинь Вэнь постарался взять себя в руки, чтобы Чи Хань ничего не заподозрил. В противном случае Альфа высшего уровня мгновенно уловил бы малейшее изменение в его феромонах. У Цинь Вэня был свой метод: стоило войти в дом и проявить чуть больше инициативы — пару раз поцеловать Чи Ханя, — как этот аналитический склад ума тут же давал сбой, и голова мужа мгновенно наполнялась всякой пошлятиной.

Тем временем Сунь Кайнин специально припрятал кусочек жареного мяса. Он постучался к Сюй Янчэну и заговорщицки выудил из-за пазухи сверток в фольге:

— Ты писал, что тебе нездоровится. Подумал, что ты остался голодным, раз не пришёл на барбекю, вот и оставил тебе немного. Кстати, ту кашу, что я просил принести официанта, ты съел?

Он и понятия не имел, насколько соблазнительно выглядел в этот момент, буквально

напрашиваясь на неприятности.

Ворот рубашки Сюй Янчэна был расстёгнут, обнажая мертвенно-бледные ключицы. В нём не осталось ни капли от суровости Альфы. В его сознании бушевала буря, а взгляд стал пугающе глубоким. Годы подавления и сдерживания под натиском феромонов, которые становилось всё труднее контролировать, рвались наружу. Нужен был лишь крошечный повод, чтобы всё рухнуло. Что тогда? Как поведёт себя Сунь Кайнин? Рассудок юноши был натянут, как струна, и в тот момент, когда она была готова лопнуть, он из последних сил сжал её в кулаке. Глубоко вдохнув, он отступил от двери:

— Входи.

Сунь Кайнин прилично выпил. Хмель его обычно не брал, но он переоценил свои силы, осушив пять стопок крепкого алкоголя на брудершафт с Чи Ханем ещё до прихода Цинь Вэня. Теперь земля у него слегка уходила из-под ног.

Молодой господин Сунь развернул фольгу. Мясо ещё сохранило тепло.

— Ешь давай, — пробормотал он и, плюхнувшись на диван, тут же закрыл глаза.

Сюй Янчэн ничего не ответил. Он сел напротив и принялся медленно жевать мясо, совершенно не чувствуя вкуса. В горле стояла невыносимая горечь.

Его друг, кажется, уснул. Дыхание стало ровным, в полумраке его точёный профиль казался особенно красивым. В воздухе витал едва уловимый аромат феромонов — запах глубокого моря. Это был запах Сунь Кайнина. Течка Сюй Янчэна только что закончилась, и его организм болезненно реагировал на любое присутствие чужих Альфа-феромонов, тем более если они принадлежали тому, кто был ему дороже всех на свете. Лицо юноши постепенно залил румянец. Он не сводил глаз с Сунь Кайнина; его пальцы то сжимались в кулак, то бессильно разжимались. Было видно, какая внутренняя борьба в нём идёт, но на этот раз рассудок проиграл. Что-то внутри с громким звоном лопнуло. Дыхание Сюй Янчэна участилось. Он медленно поднялся и шаг за шагом направился к спящему.

Он любил этого человека до боли в костях. В его взгляде проступила жадность, а чувства, годами прятавшиеся в тени, хлынули наружу неодолимым потоком.

У Сунь Кайнина были тонкие губы, и чувства его были такими же поверхностными. За эти годы через него прошло бесчисленное множество омег, и каждый раз это было словно удар ножом в сердце Сюй Янчэна. Единственным утешением было то, что ни одна из них так и не смогла зацепить его по-настоящему — всё это были лишь мимолётные интрижки.

«У меня ещё есть шанс», — твердил себе Сюй Янчэн всё это время. Хотя в глубине души он прекрасно понимал: если он не признается, у них никогда ничего не будет.

И вот теперь этот человек был на расстоянии вытянутой руки. Гены омеги взяли своё, и юноша перестал сопротивляться. Он замер над другом и начал медленно склоняться к его лицу.

В свете ламп их тени слились в одну. Когда их дыхание переплелось, Сюй Янчэн, поддавшись сладкому самообману, словно исполняя заветное желание, прикоснулся губами к губам Сунь Кайнина. Первый раз — совсем легко, мимолётно. Второй — уже смелее. Губы оказались мягче, чем он представлял. В груди вспыхнула яростная ревность: ведь Сунь Кайнин так же целовал других... Юноша закрыл глаза, а когда спустя мгновение открыл их, то наткнулся на прямой взгляд чёрных глаз.

Сунь Кайнин проснулся!

Это осознание заставило Сюй Янчэна вздрогнуть. Он в панике отпрянул, но не сдался окончательно. Упершись руками в диван по обе стороны от головы Сунь Кайнина, он навис над ним. Несмотря на охватившее его смятение и дрожащие ресницы, он продолжал смотреть в упор, словно требуя ответа.

Отступить было некуда.

Наконец Сунь Кайнин заговорил первым. В его взгляде промелькнуло изумление — скорее всего, он решил, что всё ещё спит. Но голос прозвучал непривычно холодно:

— Что ты делаешь?

Зрачки Сюй Янчэна задрожали. Он был на грани того, чтобы сбежать, но тело словно превратилось в камень.

До Сунь Кайнина наконец дошло. Тёмные эмоции в его глазах сменились яростью:

— Я спрашиваю, что ты творишь?!

Едва договорив, он резко вскочил и с силой оттолкнул Сюй Янчэна. Удар был таким мощным, что юноша отлетел на пару шагов и рухнул на пол. Сразу после этого Сунь Кайнин вытер губы тыльной стороной ладони, словно о них испачкалось что-то мерзкое.

Именно этот жест окончательно сокрушил защиту Сюй Янчэна.

«Значит, я ему настолько противен...»

Лицо Сюй Янчэна стало смертельно бледным, но оно оставалось неподвижным. Он поднялся на ноги и, встретившись взглядом с Сунь Кайнином, произнёс отчетливо:

— То самое, что ты видел.

Тот оторопел:

— Что ты несёшь?

Сюй Янчэн горько усмехнулся:

— Сунь Кайнин, сколько мы так живём? Восемь лет? Десять? Или больше? У тебя правда не возникло ни тени сомнения в моих чувствах? И не смей, чёрт возьми, нести чушь про братьев! Какой ещё брат примчится по первому твоему зову? Кто забирает тебя домой, когда ты напиваешься до беспамьятства? Кто переживает из-за твоих проблем больше, чем ты сам? Братья?! Да кто, к черту, хочет быть тебе братом!

Последние слова Сюй Янчэн почти прокричал. Обычно спокойный и сдержанный, сейчас он совершенно потерял контроль. Его глаза покраснели, на висках вздулись вены; казалось, он готов был впиться зубами в плоть Сунь Кайнина.

Молодой господин Сунь попытался переварить услышанное, но всё это казалось ему полным абсурдом. Он зло усмехнулся и, резко подавшись вперёд, вцепился в воротник друга, с силой прижав его к стене. В порыве ярости ему хотелось лишь одного — решить всё кулаками. Его феромоны взметнулись мощной волной. Он не знал, что перед ним омега, и такая агрессивная аура мгновенно лишила Сюй Янчэна сил, причиняя ему невыносимую боль.

Юноша издал сдавленный стон и начал медленно оседать на пол.

Это движение заставило Сунь Кайнина мгновенно протрезветь. Он вспомнил, что железа Сюй Янчэна когда-то была повреждена, и тут же разжал руки.

— Противно, да? — Сюй Янчэн сидел на полу, спрятав лицо в согнутых руках. — Но что поделать? Сунь Кайнин, даже если ты сегодня забьёшь меня до смерти, это ничего не изменит.

Он говорил это словно и ему, и самому себе одновременно:

— Ты мне нравишься. Очень нравишься.

Эти четыре слова окончательно развеяли последние иллюзии Сунь Кайнина. В груди стало пусто, мозг отказывался работать. Всё, что он смог выдавить из себя в ответ, было:

— Я считал тебя братом... а ты, оказывается, хотел замутить со мной?!

Сюй Янчэн не смог ничего ответить, ведь именно это и было правдой.

Сунь Кайнин с перекошенным лицом схватил куртку и, даже не взглянув на Сюй Янчэна, вылетел из комнаты, с грохотом захлопнув дверь. Он не мог оставаться здесь больше ни секунды.

***

Неизвестно, сколько времени Сюй Янчэн просидел так после ухода Сунь Кайнина. Постепенно он начал приходить в себя. Кончики его пальцев посинели. Дрожащей рукой он выудил из кармана телефон и первым делом отправил сообщение:

[Ты где?]

Но рядом с сообщением появился красный восклицательный знак — уведомление о том, что он добавлен в чёрный список.

Сердце Сюй Янчэна рухнуло в бездну. Он попытался позвонить, но механический голос сообщил, что соединение невозможно. Телефон тоже был заблокирован...

Юноша, пошатываясь, поднялся. Когда он повернулся, слезы градом покатались по его лицу. Несмотря на полное отчаяние, в душе затеплилось странное чувство облегчения. По крайней мере, теперь есть результат. «Не так уж и плохо», — подумал он.

Цинь Вэнь, которого Чи Хань накануне изрядно измотал, вышел из комнаты и тут же столкнулся с Сюй Янчэном. Сердце его сжалось: всего за одну ночь человек словно лишился всех жизненных сил.

Сюй Янчэн тоже посмотрел на Цинь Вэня и с мертвенным безразличием покачал головой.

У Цинь Вэня ёкнуло в груди. Он понял: Сюй Янчэн раскрылся, но Сунь Кайнин его отверг. Пока Чи Хань ещё не вышел, Цинь Вэнь сделал два шага вперёд и спросил о самом главном:

— Ты сказал ему, что ты омега?

— Он даже мужчину принять не в состоянии. Какая разница, Альфа я или Омега? — голос юноши был сорван.

Цинь Вэнь понимал: зная характер Сунь Кайнина, на отношениях можно ставить крест. Сюй Янчэн поспешно попрощался, не желая встречаться с Чи Ханем.

Как и предполагал Цинь Вэнь, через пару дней Чи Хань, хмурясь, уставился в телефон:

— Что за кошка пробежала между Сунь Кайнином и Сюй Янчэном?

В это время Цинь Вэнь кормил Таосу. Малыш, бедняжка, стоило ему пошевелиться, как на него тут же падал суровый взгляд отца, скрытый за напускной мягкостью, поэтому он смиренно лежал, обняв бутылочку.

Цинь Вэнь поднял голову:

— Что-то случилось?

— Не знаю, — ответил Чи Хань. — Сунь Кайнин постоянно постит какие-то фото, но Сюй Янчэна на них нет. И ни одного комментария от него под постами Сунь Кайнина в «Моментях». Что-то они в последнее время слишком часто ссорятся.

— Чи Хань, ты ведь знал, что Янчэн к Кайнину... — Цинь Вэнь замялся.

Муж посмотрел на него и спокойно кивнул:

— Да.

— И что ты об этом думаешь? — спросил Цинь Вэнь.

— Ничего не думаю, — отозвался Чи Хань. — Я не имею права лезть в чужие чувства. Если бы Сунь Кайнин хоть немного интересовался Сюй Янчэном, их союз был бы лишь вопросом времени. А если нет — то Янчэну лучше поскорее оставить всякую надежду.

Цинь Вэнь убрал бутылочку, и Таосу пустил молочный пузырь в сторону отца.

На пятый день Сюй Янчэн сам связался с Цинь Вэнем. За все эти годы у него почти не было близких друзей. О том, что он омега, знали только родители и Цинь Вэнь. Он не хотел волновать родных, поэтому ему оставалось только просить помощи у него.

— Невестка, я исчерпал лимит на покупку ингибиторов. Ты можешь мне помочь? — Сюй Янчэн назначил встречу в кафе и сразу перешел к делу.

Цинь Вэнь похолодел. Ингибиторы — это лишь временное средство, помогающее омегам пережить течку. Из-за нагрузки на организм на их покупку установлен строгий лимит. Цинь Вэнь догадался, что Сюй Янчэн, скорее всего, официально зарегистрирован как омега, но семья тщательно это скрывает, и его личный объем закупок уже давно превысил все

допустимые нормы.

— Ты так рискуешь жизнью... оно того стоит? — вполголоса спросил Цинь Вэнь, рассердившись.

Сюй Янчэн ответил вопросом на вопрос:

— А когда ты рассорился с Чи Ханем и в одиночку переехал в тот район — разве ты не рисковал жизнью? Сколько ингибиторов израсходовал ты сам?

Цинь Вэнь замолчал. Он и сам тогда выбрал весь доступный лимит лекарств.

— Невестка, — выражение лица Сюй Янчэна было пугающе спокойным. — Я сделал свой выбор давным-давно. В этом мире, где всё решают гены, я хочу рискнуть. И что бы ни случилось — я не буду ни о чём жалеть.

Если он не может быть с Сунь Кайнином, он никогда в жизни не подчинится феромонам любого другого Альфы.

Иногда трепет сердца зависит от генов, но преданность — это осознанный выбор до самого конца.

<http://bllate.org/book/15356/1427779>